

Дело *Шачашвили против Германии*: развитие подходов Европейского Суда по правам человека о праве на допрос свидетелей обвинения

Комментарий к постановлению Большой Палаты ЕСПЧ от 15 декабря 2015 года (жалоба № 9154/10)

Мария Сучкова*

В постановлении по делу *Шачашвили против Германии*, вынесенном в конце 2015 года, Большая Палата Европейского Суда по правам человека уточнила подходы к толкованию права на допрос свидетелей обвинения, гарантированного подпунктом «d» пункта 1 статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и определению объёма обязательств национальных судов при принятии решения об оглашении показаний неявившегося свидетеля. Суд предпринял попытку устранения противоречий в практике по данному вопросу, возникших со времени вынесения прецедентного постановления по делу *Аль-Хаваджа и Тахери против Великобритании*, в котором были выработаны критерии, подлежащие учёту при оценке жалоб на оглашение показаний. В постановлении по делу *Шачашвили против Германии* Суд избрал гибкий и нюансированный подход к толкованию рассматриваемого права, позволяющий дать оценку как обеспечению права на допрос свидетеля обвинения, так и справедливости разбирательства в целом. Постановление ценно и с практической точки зрения как обобщение и уточнение стандартов, подлежащих применению национальными судами в случае невозможности обеспечить явку свидетеля обвинения для допроса в судебном заседании.

→ *Европейская Конвенция по правам человека; Европейский Суд по правам человека; право на допрос свидетелей обвинения; право на справедливое судебное разбирательство; уголовный процесс*

DOI: 10.21128/2226-2059-2016-3-3-9

1. Введение

Подпункт «d» пункта 1 статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Европейская Конвенция или Конвенция) гарантирует каждому «обвиняемому в совершении уголовного преступления» право «допрашивать показывающих против него свидетелей или... право на то, чтобы эти свидетели были допрошены». Данная гарантия является одним из аспектов более общего права на справедливое судебное

разбирательство, которое закреплено в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

Как неоднократно отмечал Европейский Суд по правам человека (*далее* — ЕСПЧ, Европейский Суд или Суд), по общему правилу все доказательства обвинения должны быть представлены в присутствии подсудимого в ходе судебного разбирательства с тем, чтобы предоставить защите — на основании принципа состязательности — возможность оспорить достоверность таких доказательств¹. Безусловно, данное требование не является абсолютным и не запрещает оглашение по-

* Сучкова Мария Андреевна — магистр международного права в области прав человека (Университет Эссекса, Великобритания), практикующий юрист (e-mail: maria.suchkova@gmail.com).

¹ European Court of Human Rights (*далее* — ECtHR). *Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom* [GC]. Applications nos. 26766/05, 22228/06. Judgment of 7 December 2011. § 127.

казаний, полученных на более ранних стадиях уголовного процесса, при невозможности явки свидетелей в суд. Однако это должно быть крайней мерой. В настоящем комментарии мы рассмотрим подходы ЕСПЧ к толкованию и применению права на допрос свидетелей обвинения и к определению объёма обязательств, лежащих на национальных судах при принятии решения об оглашении показаний отсутствующего в процессе свидетеля. Прецедентным постановлением в этом отношении является постановление по делу *Аль-Хаваджа и Тахери против Великобритании*², вынесенное Большой Палатой ЕСПЧ в декабре 2011 года. Кроме того, в конце 2015 года Большая Палата Суда в постановлении по делу *Шачашвили против Германии*³ уточнила выработанные в практике Суда подходы к оценке жалоб на нарушение права на допрос свидетелей обвинения и разъяснила механизм применения критериев, закреплённых в постановлении по делу *Аль-Хаваджа и Тахери*.

2. Сфера применения права на допрос свидетелей обвинения

Перед тем как обратиться к содержанию права на допрос свидетелей обвинения и условиям, при которых обвинительный приговор, основанный на оглашённых показаниях, не будет вступать в противоречие с Конвенцией, необходимо остановиться на вопросе о сфере применения данной гарантии.

Понятие «свидетель», используемое в статье 6 Конвенции, является, как и многие другие конвенционные термины, автономным. Это означает, что применимость данной нормы не зависит от того, как на основании национального законодательства определяется *процессуальный статус лица, показания которого оглашаются*. Ключевое значение в этом отношении имеет не формальный, а содержательный аспект — речь должна идти о доказательстве, которое по своему содержанию является обвинительным. Так, ЕСПЧ счёл подпункт «d» пункта 1 статьи 6 Конвенции применимым в делах, в которых речь шла об оглашении показаний потерпев-

ших⁴, других подсудимых⁵ или экспертов⁶. Более того, гарантии подпункта «d» пункта 1 статьи 6 Конвенции могут быть применимы не только собственно к показаниям свидетелей, но и к иным доказательствам обвинения. Например, в недавнем постановлении по делу *Сетон против Великобритании* заявитель, обвинявшийся в совершении убийства, указал на г-на Пирмана, как на истинного виновного. Г-н Пирман, который на тот момент отбывал наказание за совершение другого тяжкого преступления, отказался давать показания в процессе г-на Сетона. При этом в телефонных разговорах со своими родственниками, которые, согласно применимому регулированию, были записаны администрацией тюрьмы, г-н Пирман отрицал свою причастность к убийству, в котором обвинялся г-н Сетон. Записи переговоров г-на Пирмана с родственниками были с разрешения судьи приобщены к доказательствам обвинения и положены, среди прочих доказательств, в основу обвинительного приговора в отношении г-на Сетона. ЕСПЧ счёл, что хотя г-н Пирман в строгом смысле не может быть признан свидетелем обвинения, к доказательствам в виде записи его переговоров должны применяться те же принципы, что и к оглашённым показаниям свидетелей⁷.

Необходимо также коротко отметить, что норма подпункта «d» пункта 1 статьи 6 Конвенции, как и любые права, гарантированные «уголовной» составляющей статьи 6 Конвенции, применима в случае предъявления «уголовного обвинения», которое также является автономным понятием. В этом отношении классификация того или иного процесса в качестве уголовного в национальном законодательстве имеет значение лишь отчасти. Не останавливаясь подробно на содержании термина «уголовное обвинение» и критериях, которые ЕСПЧ использует для анализа применимости «уголовной» составляющей статьи 6 Конвенции к конкретному разбиратель-

⁴ См.: ECtHR. *Vladimir Romanov v. Russia*. Application no. 41461/02. Judgment of 24 July 2008. § 97.

⁵ См.: ECtHR. *Trofimov v. Russia*. Application no. 1111/02. Judgment of 4 December 2008. § 37.

⁶ См.: ECtHR. *Doorson v. the Netherlands*. Application no. 20524/92. Judgment of 26 March 1996. § 81–82.

⁷ См.: ECtHR. *Seton v. the United Kingdom*. Application no. 55287/10. Judgment of 31 March 2016. § 60.

² См.: *Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom*.

³ ECtHR. *Schatschaschwili v. Germany* [GC]. Application no. 22228/06. Judgment of 15 December 2015.

ству⁸, отметим, что вопрос о праве на допрос «свидетеля обвинения» может быть поставлен, например, при производстве по делам о некоторых административных правонарушениях⁹ или в некоторых случаях при решении вопроса о помещении несовершеннолетнего правонарушителя в центр временного содержания¹⁰, поскольку такие процессы — при соблюдении критериев, установленных в практике Суда — могут быть признаны «уголовными» по смыслу статьи 6 Конвенции.

3. Условия оглашения показаний свидетелей обвинения

Обратимся к принципам, которые Европейский Суд применяет при анализе жалоб о нарушении права на допрос свидетелей обвинения. В 2011 году данные принципы были проанализированы и уточнены в постановлении по делу *Аль-Хаваджа и Тахери*. Согласно подходу ЕСПЧ, первое, что необходимо оценить при рассмотрении жалобы, это наличие веских причин (*good reasons*) для невозможности очного допроса свидетелей обвинения в суде и, соответственно, для оглашения показаний.

Однако даже при наличии уважительных причин для неявки свидетеля право, гарантированное подпунктом «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции, может быть чрезмерно ограничено, если обвинительный приговор основан исключительно или в решающей степени на показаниях лица, которого у подсудимого не было возможности допросить. Данный принцип получил название «правило единственного или решающего доказательства» (“*sole or decisive rule*”). Проанализировав свою практику и возражения государства-ответчика в постановлении по делу *Аль-Хаваджа и Тахери*, Большая Палата отметила, что указанное правило должно применяться гибко: тот факт, что оглашённые показания свидетеля обвинения были единственным или решающим доказательством, положенным в основу обвинительного приговора, не должен

автоматически влечь вывод о нарушении статьи 6 Конвенции. Суду необходимо учитывать особенности правовой системы государства-ответчика и установленные в ней правила допустимости доказательств. Это означает, что в случаях, когда оглашённые показания были единственным или решающим доказательством вины, ЕСПЧ должен дать оценку наличию или отсутствию процессуальных гарантий, направленных на обеспечение прав защиты в связи с оглашением показаний неявившихся свидетелей.

Таким образом, в постановлении по делу *Аль-Хаваджа и Тахери* был выработан трёхступенчатый тест, подлежащий применению в делах об оглашении показаний свидетеля обвинения и состоящий из следующих вопросов:

а) существовали ли, с точки зрения национального суда, веские причины для неявки свидетеля и, соответственно, оглашения их показаний;

б) были ли оглашённые показания единственным или решающим доказательством вины;

с) были ли приняты достаточные процессуальные меры, чтобы «компенсировать» невыгодное положение защиты в связи с невозможностью очного допроса в судебном заседании.

Далее мы рассмотрим толкование каждого из критериев подробнее, а затем обратимся к их соотношению с учётом новой практики ЕСПЧ и, в частности, постановления Большой Палаты по делу *Шачашвили против Германии*.

3.1. Оценка причин для неявки свидетеля обвинения

Согласно позиции ЕСПЧ, национальные суды должны предпринять «все разумно возможные усилия»¹¹ для обеспечения возможности допроса свидетеля обвинения, а в случае невозможности привести веские причины с учётом конкретной ситуации неявившегося свидетеля¹².

ЕСПЧ применяет довольно жёсткий стандарт, оценивая причины неявки. Смерть свидетеля, как правило, рассматривается Судом

⁸ См. по данному вопросу, среди прочего: Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights. Right to a fair trial (criminal limb). Council of Europe/European Court of Human Rights, 2014. P.7–10.

⁹ См.: ECtHR. *Frumkin v. Russia*. Application no.74568/12. Judgment of 5 January 2016. § 155.

¹⁰ См.: ECtHR. *Blokhin v. Russia* [GC]. Application no.47152/06. Judgment of 23 March 2016. § 179–182.

¹¹ См.: *Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom*. § 120.

¹² См.: *Schatschaschwili v. Germany*. § 122.

в качестве уважительной причины для оглашения ранее данных показаний. Однако и из этого правила есть исключения. В деле *Димович против Сербии*¹³ сторона обвинения обжаловала оправдательный приговор в отношении заявителя, ссылаясь на признательные показания его сообщника (обозначенного инициалами С. К.), данные на предварительном расследовании, которые тот впоследствии опроверг. Показания С. К. не приобщались стороной обвинения в ходе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции и были представлены лишь при обжаловании оправдательного приговора. После отмены оправдательного приговора дело было рассмотрено вновь, и был постановлен обвинительный приговор на основании оглашённых признательных показаний С. К., который к моменту второго рассмотрения дела скончался. ЕСПЧ пришёл к выводу о том, что отсутствовали веские причины для оглашения показаний, поскольку в ходе первого рассмотрения дела, пока С. К. ещё был жив, ни сторона обвинения, ни суд не сочли нужным приобщить его ранее данные признательные показания и тем самым лишили заявителя возможности их оспорить, задав соответствующие вопросы С. К. Следовательно, даже в случае смерти свидетеля, показания которого оглашаются, ЕСПЧ может прийти к выводу о том, что оглашение показаний не было обосновано вескими причинами, если необходимость оглашения возникла в результате того, что национальные правоприменительные органы не проявили должной осмотительности.

Невозможность установить местонахождение свидетеля или тот факт, что свидетель находится за границей, само по себе не является, по мнению Суда, веской причиной для оглашения показаний¹⁴. На национальных властях лежит обязанность сделать всё от них зависящее для обеспечения возможности допроса, в частности принять активные меры к розыску свидетеля или прибегнуть к механизмам международной правовой помощи при наличии таковых. Если после добросовестного выполнения указанной обязанности обеспечить допрос тем не менее не удалось, ЕСПЧ

может прийти к выводу, что существовали веские причины для оглашения показаний¹⁵. Это, однако, не означает отсутствия нарушения статьи 6 Конвенции, поскольку наличие веских причин для оглашения является лишь одним из критериев, подлежащих оценке.

Заявления свидетеля о том, что он (она) опасается за свою безопасность или безопасность своих близких, также зачастую является причиной для оглашения показаний. В этом отношении ЕСПЧ отмечает, что в таких случаях национальные суды должны проверить, существуют ли объективные основания для таких опасений и подтверждаются ли они доказательствами¹⁶.

Невызов свидетеля в суд в случае, когда он заявил, что откажется давать показания, также приводил ЕСПЧ к выводу о том, что национальный суд не принял надлежащих мер для обеспечения возможности допроса. В упомянутом выше деле *Сетон против Великобритании* Суд отметил, что вызов лица, отказывающегося давать показания, позволил бы присяжным увидеть свидетеля и оценить его реакцию в ответ на вопросы подсудимого¹⁷.

Таким образом, при оценке весомости причин, по которым допрос свидетеля обвинения в суде оказался невозможным, ЕСПЧ в первую очередь обращает внимание на усилия, предпринятые национальными судами для обеспечения явки, и доводы, которые они привели в обоснование возможности оглашения показаний и постановления приговора в отсутствие допроса свидетеля обвинения в суде.

3.2. Единственное или решающее доказательство

Ещё одним вопросом, который рассматривает ЕСПЧ на основании теста *Аль-Хаваджа и Тахери*, является вопрос о значимости оглашённых показаний.

Под «единственным» доказательством ЕСПЧ понимает в строгом смысле отсутствие любых иных доказательств, свидетельствующих о виновности подсудимого. Относительно термина «решающее» доказательство Суд отмечает, что данное понятие не должно толковаться расширительно — доказательство является решающим, когда оно обладает настолько большой значимостью, что может

¹³ См.: ECtHR. *Dimović v. Serbia*. Application no. 24463/11. Judgment of 28 June 2016. § 37, 41–42.

¹⁴ См., например: ECtHR. *Pačić v. Croatia*. Application No. 47082/12. Judgment of 29 March 2016. § 38, с последующими ссылками.

¹⁵ См.: *Schatschaschwili v. Germany*. § 119–122, 132–140.

¹⁶ См.: *Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom*. § 122–124.

¹⁷ См.: *Seton v. the United Kingdom*. § 62.

определить исход дела. В случаях, когда оглашённые показания подтверждаются другими доказательствами по делу, оценка таких показаний в качестве решающих по смыслу, которому придаёт этому понятию Суд, будет зависеть от того, насколько убедительны такие подтверждающие доказательства¹⁸.

Важно отметить, что при оценке значимости оглашённых показаний ЕСПЧ в первую очередь полагается на выводы национальных судов о доказательственной ценности показаний и будет готов пересмотреть такие выводы лишь в том случае, если они являются явно произвольными. При этом, если национальный суд, положив в основу приговора оглашённые показания, не указал своей позиции о том, какой доказательственной ценностью они обладают, ЕСПЧ может дать собственную оценку тому, были ли такие показания единственными или решающими.

3.3. Процессуальные гарантии прав защиты

Третьим фактором, который Европейский Суд изучает при рассмотрении дел об оглашении показаний свидетелей обвинения, является вопрос о том, были ли подсудимому предоставлены процессуальные гарантии, направленные на то, чтобы «компенсировать» невыгодное положение защиты в связи с невозможностью очного допроса свидетеля в судебном заседании.

В этом отношении Суд принимает во внимание как существование соответствующих гарантий в законодательстве, так и их реализацию в конкретном деле заявителя¹⁹. В частности, ЕСПЧ изучает, была ли у заявителя возможность поставить под сомнение достоверность сведений, которые сообщает свидетель, например путём участия в допросе на более ранней стадии производства по делу или путём постановки вопросов свидетелю в письменном виде, когда свидетель допрашивается в иностранном государстве по поручению суда или правоохранительных органов²⁰. Процессуальные гарантии также могут быть реализованы посредством просмотра в суде видеозаписи допроса неявившегося свидетеля, которая позволила бы заявителю и суду дать оценку поведению свидетеля во время

допроса и таким образом сформировать мнение о достоверности сообщаемых сведений²¹.

Ещё одним важным фактором, который может «компенсировать» невыгодное положение защиты в связи с невозможностью очного допроса, может стать особый подход национального суда к оценке оглашённых показаний. В частности, ЕСПЧ выясняет, учёл ли национальный суд сниженную ценность оглашённых показаний и дал ли им оценку в свете других доказательств по делу²².

4. Механизм применения трёхступенчатого теста в деле *Шачашвили против Германии*

После вынесения постановления по делу *Аль-Хаваджа и Тахери* в практике Суда возникли вопросы о соотношении разработанных в нём критериев: должны ли они применяться кумулятивно, или же какой-то один из них может иметь решающее значение, исключая необходимость рассмотрения остальных. В частности, достаточно ли отсутствия веских причин для оглашения показаний для вывода о нарушении Конвенции вне зависимости от того, были ли такие показания единственными или решающими? Необходимо ли для соблюдения статьи 6 Конвенции предоставление процессуальных гарантий, компенсирующих невозможность очного допроса, если оглашённые показания не являются единственными или решающими, и/или национальные суды приняли все необходимые меры для обеспечения явки свидетеля, но это оказалось невозможным?

Учитывая разнородную практику, возникшую по данной категории дел после вынесения постановления по делу *Аль-Хаваджа и Тахери*, ЕСПЧ решил уточнить подход к вопросу о правах защиты при оглашении показаний. Это было реализовано в постановлении Большой Палаты по делу *Шачашвили против Германии*, вынесенном в конце 2015 года. В данном деле заявитель обвинялся в совершении разбойных нападений. В ходе предварительного расследования потерпевшие, гражданки Латвии, были допрошены полицией и следственным судьёй и дали подробные показания против заявителя, а также сооб-

¹⁸ См.: *Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom*. § 131.

¹⁹ См.: *Seton v. the United Kingdom*. § 65–66.

²⁰ См.: *Paić v. Croatia*. § 47.

²¹ См.: *Blokhin v. Russia*. § 215.

²² См.: *Paić v. Croatia*. § 43.

шили полиции и следственному судье о своём намерении покинуть Германию вскоре после допроса. В заседании следственного судьи, в ходе которого проводился допрос, заявитель не участвовал, поскольку ему ещё не было сообщено о начале в отношении него расследования. Следственные органы полагали, что участие заявителя в допросе может оказать негативное влияние на расследование. Следственный судья также не воспользовался предоставленной законодательством возможностью назначить заявителю защитника для участия в допросе потерпевших.

В ходе судебного производства по делу национальный суд принял ряд мер для обеспечения защите возможности допросить потерпевших, которые были единственными очевидцами преступления. Так, суд неоднократно направлял потерпевшим требования о явке в судебное заседание и обращался к механизмам международной правовой помощи, чтобы защита могла допросить находящихся в Латвии потерпевших с помощью видеосвязи. Убедившись, что допрос невозможен, суд принял решение огласить показания потерпевших, данные следственному судье. При постановлении обвинительного приговора суд принял во внимание сниженную доказательственную ценность оглашённых показаний и дал оценку их достоверности с учётом других доказательств по делу.

Оценив указанные обстоятельства, Большая Палата признала девятью голосами к восьми, что право заявителя на справедливое судебное разбирательство и на допрос свидетелей обвинения было нарушено. ЕСПЧ согласился с тем, что национальный суд приложил все возможные усилия, чтобы обеспечить явку, и отметил, что национальный суд должным образом учёл сниженную ценность оглашённых показаний и обеспечил защите возможность оспорить их достоверность. Тем не менее Большая Палата сочла, что национальные правоохранительные и судебные органы не приняли достаточных процессуальных мер, которые могли бы снизить негативные последствия невозможности непосредственного допроса потерпевших в суде. В частности, это могло быть сделано посредством участия заявителя или его защитника на заседании следственного судьи, на котором были допрошены потерпевшие. Большая Палата учла, что на момент допроса потер-

певших полиции и следственному судье было известно об их намерении покинуть страну и, соответственно, о риске неявки в судебное заседание для допроса.

В постановлении по делу *Шачашвили* Суд дал важные разъяснения о механизме применения вышеописанного трёхступенчатого теста²³. Большая Палата разъяснила, что три критерия, обозначенные в постановлении по делу *Аль-Хаваджа и Тахери*, взаимосвязаны и каждый из них подлежит рассмотрению в делах об оглашении показаний свидетелей обвинения в отсутствие у защиты возможности их допросить в суде.

Так, самого по себе отсутствия веских причин для неявки свидетеля недостаточно для того, чтобы автоматически сделать вывод о нарушении статьи 6 Конвенции. ЕСПЧ будет давать оценку всем обстоятельствам дела в совокупности и учитывать значимость оглашённых показаний для постановления приговора, их место в доказательственной базе обвинения и гарантии прав защиты в связи с оглашением показаний, которыми сопровождался судебный процесс. При этом в делах, в которых отсутствовали веские причины для оглашения показаний, а суд не принял достаточных мер для обеспечения явки свидетеля, данные обстоятельства будут важным фактором при оценке справедливости разбирательства в целом.

Кроме того, Большая Палата отметила, что Европейский Суд должен оценить наличие процессуальных гарантий, «компенсирующих» невыгодное положение защиты и позволяющих оспорить достоверность показаний, не только в тех делах, в которых речь идёт об оглашении показаний, являющихся единственными или решающими доказательствами вины, но и в тех делах, где такие показания «имеют значительный вес». Чем выше доказательственная ценность показаний свидетеля, которого у защиты не было возможности допросить, тем больше внимания должно уделяться обеспечению прав защиты.

5. Заключение

В постановлении по делу *Шачашвили против Германии* Европейский Суд избрал подход, позволяющий дать оценку судебному

²³ См.: *Schatschaschwili v. Germany*. § 110–118.

процессу в целом и найти баланс между интересами правосудия и потерпевших, с одной стороны, и правами подсудимого, с другой²⁴. Развивая логику гибкого применения правила «единственного или решающего доказательства», выраженную в постановлении по делу *Аль-Хаваджа и Тахери*, Большая Палата обозначила необходимость гибкого подхода и к двум другим критериям трёхступенчатого теста. ЕСПЧ указал, что было бы неверно автоматически признавать нарушение Конвенции в случае оглашения показаний свидетеля в отсутствие веских причин для его/её неявки, когда показания такого свидетеля не являлись значимыми для исхода дела. Соблюдение третьего критерия — наличие достаточных гарантий прав защиты, компенсирующих невыгодное положение в связи с невозможностью допросить свидетеля — также должно оцениваться в зависимости от значимости оглашённых показаний и совокупности других доказательств по делу.

Данное постановление ценно с практической точки зрения как обобщение и уточнение подходов Европейского Суда к обязательствам, которые налагает статья 6 Европейской Конвенции на правоприменительные органы в случае невозможности обеспечить явку свидетеля обвинения для допроса в судебном заседании. Так, если уже на стадии предварительного расследования есть основания полагать, что ключевой свидетель обвинения может не явиться для допроса в суде, следствие должно принять меры для того, чтобы защита могла задать свидетелю вопросы, например, проведя очную ставку. В ходе судебного производства по делу суд обязан дать тщательную оценку причинам неявки и принять все возможные меры для обеспечения возможности допроса. Такие меры могут включать в себя розыск, допрос свидетелей, которые не могут явиться в суд, посредством видеоконференции, а также использование механизмов международной правовой помощи. В случае если такие меры не дают результата, суд обязан предоставить защите эффективную возможность оспорить достоверность оглашённых показаний, а при вынесении приговора должен учесть сниженную доказательственную ценность оглашённых показаний и провести тщательную

оценку их достоверности с учётом других доказательств по делу.

Библиографическое описание:

Сучкова М. Дело *Шачашвили против Германии*: Развитие подходов Европейского Суда по правам человека о праве на допрос свидетелей обвинения: Комментарий к постановлению Большой Палаты ЕСПЧ от 15 декабря 2015 года (жалоба № 9154/10) // Международное правосудие. 2016. № 3 (19). С. 3–9.

Case of *Schatschaschwili v. Germany*: development of the European Court of Human Rights approaches on the right to examine prosecution witnesses

A commentary to judgment of Grand Chamber of the ECHR dated on 15 December 2015 (application no. 9154/10)

Maria Suchkova

LL.M. (University of Essex, UK), practicing lawyer (e-mail: maria.suchkova@gmail.com).

Abstract

In its judgment in the case *Schatschaschwili v. Germany* of 2015, the Grand Chamber of the European Court of Human Rights has clarified its approaches to the right to examine witnesses for the prosecution guaranteed by Article 6 § 3 (d) of the European Convention on Human Rights, and to the scope of the corresponding obligations of domestic courts in cases where the testimony of a prosecution witness is read out at trial. The Court has made an attempt to summarize and tackle the inconsistencies in its case-law following the *Al-Khawaja and Tahery* judgment, in which applying of the three-part test in cases of failure to secure the presence of a witness for the prosecution during trial was crystallized. In *Schatschaschwili v. Germany* the Court has clarified the relationship between the three steps of the *Al-Khawaja* test and adopted a flexible and nuanced approach to the interpretation of its criteria so as to allow taking into account various factors pertaining to the particular circumstances of each case in assessing the overall fairness of the proceedings. The judgment is also valuable for practical purposes as to be set out in great detail the standards to be applied by domestic courts in cases where it proves impossible to ensure the presence of a witness for the prosecution at trial.

Keywords

European Convention on Human Rights; European Court of Human Rights; right to examine witnesses; right to a fair trial; criminal justice.

Citation

Suchkova M. (2016) Delo *Shachashvili protiv Germanii*: Razvitie podkhodov Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka o prave na dopros svideteley obvineniya: Kommentarii k postanovleniyu Bol'shoy Palaty ESPCH ot 15 dekabrya 2015 goda (zhaloba no. 9154/10) [Case of *Schatschaschwili v. Germany*: development of the European Court of human rights approaches on the right to examine prosecution witnesses: A commentary to judgment of Grand Chamber of the ECHR dated on 15 December 2015 (application no. 9154/10)]. *Mezhduнародное pravosudie*, no. 3, pp. 3–9. (In Russian).

²⁴ См.: *Schatschaschwili v. Germany*. § 101.